Смерть немецким оккупантам!

К. ОСИПОВ

Александр СУВОРОВ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО
КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1944

★

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

И. СТАЛИН

★

А. В. СУВОРОВ

Статут Ордена Суворова

1. Орденом Суворова награждаются командиры Красной Армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину в Отечественной войне.

2. Награждение Орденом Суворова производится Указом Президиума Верховного Совета СССР.

3. Орден Суворова состоит из трёх степеней:

Орден Суворова 1-й степени,

Орден Суворова 2-й степени,

Орден Суворова 3-й степени.

Высшей степенью Ордена является 1-я степень.

4. Орденом Суворова 1-й степени награждаются —

командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов и начальники родов войск (артил-

лерии, воздушных сил, бронетанковых и миномётных) фронтов и армий:

За отлично организованную и проведенную фронтовую или армейскую операцию, в которой с меньшими силами был разгромлен численно превосходящий противник.

За искусно проведенный манёвр по окружению численно превосходящих сил противника, полное уничтожение его живой силы и захват вооружения и техники.

За проявление инициативы и решительности по выбору места главного удара, за нанесение этого удара, в результате чего противник был разгромлен, а наши войска сохранили боеспособность к его преследованию.

За искусную и скрытно проведенную операцию, в результате которой противник, лишённый возможности произвести перегруппировку и ввести резервы, был разгромлен.

5. Орденом Суворова 2-й степени награждаются —

командиры корпусов, дивизий и бригад, их заместители и начальники штабов:

За организацию боя по разгрому вражеского корпуса или дивизии, достигнутому с меньшими силами, в результате внезапной и решительной атаки, основанной на полном взаимодействии огневых средств, техники и живой силы.

За прорыв современной оборонительной полосы противника, развитие прорыва и организацию неотступного преследования, окружения и уничтожения противника.

За организацию боя при нахождении в окружении численно превосходящих сил противника, выход из этого окружения и сохранение боеспособности своих частей, их вооружения и техники.

За совершённый бронетанковым соединением глубокий рейд в тыл противника, в результате которого противнику нанесён чувствительный удар, обеспечивающий успешное выполнение армейской операции.

6. Орденом Суворова 3-й степени награждаются —

командиры полков, батальонов и начальники штабов полков:

За организацию боя и инициативу в выборе момента для смелой и стремительной атаки превосходящего по силе противника и уничтожение его.

За упорство и полное противодействие наступлению превосходящих сил противника в удержании занимаемых рубежей, умелое противопоставление всех имеющихся средств борьбы и решительный переход в атаку.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 г.

«Установить, что орденом Суворова третьей степени, в дополнение статута ордена Суворова, могут награждаться также командиры рот».

Александр Васильевич Суворов родился 13 (24) ноября 1730 года. Детство он провёл в небольшом родовом имении — селе Кончанском Новгородской губернии. Отец его Василий Иванович был человеком неподкупной честности и весьма образованным для своего времени. Он знал несколько иностранных языков. Был в числе тех молодых людей, которых Пётр I посылал за границу изучать там строительно-морское дело. Начав службу сержантом в Преображенском полку, Василий Иванович дослужился до генеральского чина.

Жена Василия Ивановича была незнатного происхождения, и уклад жизни в семье Суворовых отличался русской патриархальной простотой. Будучи человеком весьма бережливым, даже скуповатым, Василий Иванович избегал приглашать для сына преподавателей, и Александр в значительной мере был предоставлен самому себе. Мальчик имел свободный доступ в библиотеку отца, довольно обширную, составленную главным образом из книг по военным вопросам. Александр поначалу поглощал всё без разбора, но чем больше читал, тем

сильнее вырастал в нём интерес к военному делу. Особенно он увлекался чтением книг по военной истории. Одарённый пытливым умом и богатым воображением, Александр мысленно разыгрывал сражения, участвовал в походах вместе с Ганнибалом и Цезарем.

Отец сначала был недоволен влечением сына к военному делу, так как мальчик был слабого здоровья, хилого сложения. Но Александр изобрёл для себя целую систему физического воспитания и с недетской настойчивостью и упорством следовал ей. Он обливался холодной водой, спал в любую погоду при открытом окне, отказался носить тёплое бельё, скакал верхом под проливным дождём. В конце концов Александр добился своего. В 1742 году отец записал его солдатом в гвардейский Семёновский полк.

По обычаю того времени юный Суворов в продолжение нескольких лет изучал военные науки дома, проявив при этом исключительное прилежание и упорство. Фактическую службу в полку он начал капралом в 1748 году.

В императорской гвардии в подавляющем большинстве служили богатые дворяне. Они вели праздную, весёлую жизнь. Суворов был незнатен, небогат, некрасив собой. Его однополчане-гвардейцы полагали, что он постарается чем-нибудь возместить эти «недостатки», чтобы быть принятым в их разгульную компанию. Но Суворов не проявил никакой склонности к этому. Он целиком погрузился в военные занятия, а свободные часы проводил среди солдат, подолгу беседовал с ними, вникая в их нужды.

Привыкнув с детства общаться с простым народом, Суворов был чужд презрительного высокомерия выросших в хоромах барчуков. Он умел находить общий язык с «нижними чинами», видел в русском солдате человека и патриота-воина, высоко ценил его отвагу, стойкость, выносливость. Он умел несколькими простыми словами

разъяснить солдатам любую мысль, ободрить шуткой.

Шесть лет продолжалась солдатская служба Суворова. Только в 1754 году он был произведён в поручики и получил назначение в Ингерманландский пехотный полк. В это время ему уже шёл 25-й год. В таком возрасте многие дворяне были полковниками и даже генералами. «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь», — говорил впоследствии полководец.

С большой ревностью принялся Суворов за выполнение офицерских обязанностей. Ротный командир Суворова сообщал его отцу, что молодой офицер сам напрашивается на выполнение трудных служебных поручений, любит строевые занятия, весьма требователен и большую часть времени проводит в казармах; солдаты его любят.

После двух лет службы в строю Суворов был назначен оберпровиантмейстером, что позволило ему практически изучить войсковое хозяйство. В то же время он непрерывно совершенствовал своё военное и общее образование.

В 1756 году началась Семилетняя война, которая явилась первой боевой школой Суворова. Это была война Австрии, Франции, России и других европейских государств с Пруссией, стремившейся к господству в Европе.

Только в 1758 году удалось Суворову получить назначение в действующую армию. Ему было поручено формирование третьих батальонов для полков, действовавших в Пруссии. Затем он был назначен комендантом города Мемеля.

В 1759 году в чине подполковника Суворов был назначен к генералу Фермору дивизионным дежурным (нечто вроде начальника штаба). Теперь он добился того, к чему стремился, т. е. непосредственного участия в войне.

В августе этого года Суворов первый раз участвовал в большом сражении при Кунерсдорфе, где русские вой-

ска наголову разбили армию прусского короля Фридриха II. Русский главнокомандующий не использовал этого крупного успеха и не организовал преследования остатков прусской армии. «На месте главнокомандующего я бы сейчас пошёл на Берлин»,— сказал Суворов своему начальнику Фермору. Уже в этом первом сражении он проявил глазомер полководца. В 1760 году русские войска заняли Берлин. В берлинской экспедиции Суворов принимал участие в качестве волонтёра.

Приблизительно через год после похода на Берлин Суворов был назначен начальником штаба специального лёгкого корпуса, сформированного для борьбы с прусской кавалерией.

Дотоле никто не видел подобного начальника штаба. Не было стычки, в которой он не принимал бы личного участия, и даже старые ветераны поражались его бесстрашию.

Однажды с эскадроном драгун и полусотней казаков он напал врасплох на отряд пруссаков, смял их и захватил 20 пленных. Оправившись от неожиданности, пруссаки окружили малочисленный отряд Суворова. Положение было критическое, но Суворов пробился сквозь кольцо врага и, соединившись с другим русским отрядом, сейчас же возобновил атаку и нанёс пруссакам урон в тысячу человек.

В другой раз он атаковал отряд пруссаков, охранявший большой обоз. Атака увенчалась успехом; противник отступил, оставив в руках русских 800 пленных. Но Суворов не удовлетворился этим. Уже в то время он придерживался взгляда, кратко выраженного им впоследствии в известных словах: «Недорубленный лес опять вырастает». Во главе трёх батальонов он погнался за неприятелем, выломал городские ворота и ворвался в город. По его собственному свидетельству, он «гнал прусский отряд штыками через весь город за противные ворота и

мост, до их лагеря, где побито и взято было много войск».

Под Гольнау Суворов получил две раны, едва не был убит в сражении под Нейгартеном. Много раз он был на волосок от смерти, тонул в реке, увязал в болоте, получал ранения, но вскоре вновь появлялся среди солдат, бодрый, не знающий усталости.

По окончании Семилетней войны Суворов был произведён в полковники.

Во всех боевых делах Суворов «себя перед прочими гораздо отличил», — так писал главнокомандующий, представляя его к награде. В письме к отцу Суворова главнокомандующий отмечал, что храбрый сын «у всех командиров особливую приобрёл любовь и похвалу».

Полководец Румянцев писал, что Суворов «обладает сведениями и способностями прямо кавалерийскими», хотя и числится по службе в пехоте; он «быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности».

В 1763 году Суворов вступил в командование Суздальским пехотным полком и прослужил в должности командира этого полка до 1770 года. В этот период в основном сложилась суворовская система боевой подготовки войск, были заложены новые основы их воспитания и обучения.

Полк был размещён поблизости от Петербурга, в Новой Ладоге. Суворов с увлечением отдался обучению солдат. Суворовская наука оказалась совершенно не похожей на ту нудную муштру, которая царила в других частях. Выработать в солдате сознательное отношение к возлагаемым на него задачам — было первым и основным стремлением Суворова. Целью воспитания войск он поставил — развить способность их к подвигу, более того, развить жажду подвига. Он не добивался показного великолепия, а заботился об усвоении войсками техники боевых приёмов, о воспитании выносливости, стойкости, смелости и других качеств, необходимых в бою. Он приучал солдат и офицеров к длительным, быстрым переходам, к использованию естественных укрытий, обучал их рытью окопов, ночному бою и штыковой атаке. Очень много внимания уделял Суворов огневой подготовке своего полка, он требовал от офицеров, чтобы они учили солдат прицельной стрельбе.

Суздальцы проходили по 40—50 вёрст в день, в зной и мороз, по непролазной грязи, переходили вброд, а то и вплавь встречавшиеся реки. По пути производились боевые учения; для этого Суворов умел использовать всякий предлог. Однажды, проходя мимо монастыря, обнесенного стенами, он остановил полк и провёл боевое учение на тему «штурм крепости».

«Солдат ученье любит, было бы с толком»,— неоднократно повторял Суворов. И действительно, солдаты Суворова никогда не роптали, несмотря на очень строгую требовательность его. Этому способствовали уважение и любовь, которые быстро завоёвывал он у солдат отцовской заботой об их нуждах, скромностью в своих личных потребностях, пренебрежением к трудностям и лишениям.

Шесть лет провёл Суворов в Новой Ладоге. Уже в этот период им было заложено очень многое из того, что потом составило суворовскую «Науку побеждать». В 1768 году Суздальский полк был отправлен в Польшу, где в это время открылись военные действия — так называемая первая польская война.

На польском театре войны Суворов показал себя как мастер смелых манёвров и внезапных сокрушительных ударов. Он блестяще выиграл ряд сражений, в которых на стороне поляков было большое численное превосходство.

Особенно ярко проявилась тактика Суворова в сражении при Ландскроне. С авангардом казаков в 300—400 человек Суворов опередил свой отряд и приблизился к неприятельским позициям. Поляками командовал французский генерал Дюмурье, даровитый военачальник. Он расположил около трёх с половиной тысяч бойцов в окопах,

дом. Уничтожив укрепления и склады неприятеля, Суворов вернулся на левый берег. Остаться на правом берегу Дуная можно было лишь при условии прочного закрепления там, на что высшее командование не решалось. Обратная переправа совершилась в тот же день.

Через некоторое время Румянцев предписал Суворову совершить вторичный поиск на Туртукай. Суворов составил обстоятельный план повторного поиска, но накануне назначенного дня слёг в приступе лихорадки. В большой тревоге ждал он известий о ходе битвы. Заменявшие Суворова командиры, сделав робкие попытки форсирования Дуная, испугались риска и решили отложить переправу. «Какой позор,— воскликнул полководец, узнав об этом.— Боже мой! Когда подумаю, жилы рвутся».

Всё кипело в нём, всё восставало в душе воина при мысли о проявленной робости.

Он приказал немедленно возобновить поиск, и сам появился в войсках, хотя был так болен, что не мог держаться на ногах. Два офицера вели его под руки, третий, улавливая едва слышные слова команды, передавал их войскам. Туртукай и на этот раз был взят. Суворов доказал, что если атака ведётся энергично, она всегда даёт успех.

Вскоре после этого, получив кратковременный отпуск, Суворов уехал в Москву, где по настоянию отца женился. Ему было уже 43 года, и его отец давно поднимал вопрос о женитьбе сына, который весь был поглощён своим призванием. Свадьбу сыграли в январе 1774 года, а в феврале Суворов снова был уже в армии.

Военные действия в кампанию 1774 года велись вяло. Нужен был какой-то толчок, чтобы нарушить неустойчивое равновесие и вынудить турок к миру. Таким толчком явилось сражение при Козлуджи.

Отряд Суворова двигался в авангарде. Близ города Козлуджи, на лесной дороге, он неожиданно встретился

с неприятельской армией. Турок было около 40 тысяч — в пять раз больше, чем русских, но Суворов, не колеблясь, вступил с ними в бой. Он не стал дожидаться, пока подойдут части генерала Каменского, которые шли за ним, составляя главные силы, и бросился в атаку со своими полками. Одно время положение русских, окружённых неприятелем, было тяжёлым, но стойкость солдат и искусство Суворова принесли полную победу. Турки бежали с поля боя. Преследуя их, русские войска вышли на открытое место, где располагался сильно укреплённый лагерь противника. Суворов прорвался к лагерю, разгромил противника и овладел его артиллерией.

Эта победа совершенно деморализовала турок и ускорила заключение в городе Кучук-Кайнарджи очень выгодного для России мира, окончательно закрепившего за Россией её положение в северном Черноморье.

Следующие годы — с 1774 по 1787 — были самым тягостным периодом в жизни Суворова. После заключения мира с Турцией полководец фактически оказался не у дел. Ему давались незначительные поручения военно-административного характера: переселить часть крымского населения в глубь России, укрепить пограничные крепости, провести военную экспедицию против ногайцев. Конечно, такие дела не могли удовлетворить гениального полководца.

Два года Суворов принуждён был провести в Астрахани, куда его направили для «выполнения секретного и важного поручения», как было сказано в приказе. На самом деле в Астрахани не оказалось ничего «важного», и полководец томился от тоски и бездействия. Имея в своём послужном списке не одно славное боевое дело, чувствуя в себе незаурядные силы, Суворов страдал от недоверия и недоброжелательства начальства.

Семейная жизнь полководца также сложилась несчастливо. У супругов не было ничего общего. Жена его

Варвара Ивановна была женщина красивая, падкая на светские развлечения, легкомысленная, пустая. Она не могла ни понять, ни оценить своего мужа. Сделав несколько неудачных попыток сгладить недоразумения, Суворов в 1784 году разошёлся с женой. Сын его Аркадий остался с матерью, а любимую дочь Наташу Суворов поместил в петербургский Смольный институт — лучшее тогда учебное заведение для девушек.

Александру Васильевичу Суворову исполнилось в то время пятьдесят четыре года. Жизнь его клонилась к старости, а как мало смог он совершить из тех грандиозных замыслов, которые им владели.

«Служу больше сорока лет,— писал Суворов в одном из писем к князю Потёмкину,— и мне почти шестьдесят лет, но одно моё желание—кончить службу с оружием в руках... Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто бывал неугоден, но никогда не изменил я моего слова даже ни одному из неприятелей... Исторгните меня из праздности — в роскоши жить не могу». И это была далеко не первая просьба полководца, на которую он не получал желаемого ответа. Только в конце 1786 года Суворов был назначен командующим Кременчугскими войсками Екатеринославской армии. В то же время он был произведён в генерал-аншефы.

Содействуя назначению Суворова, Потёмкин, правивший вновь приобретенными землями, преследовал и свои цели. Деятельность «светлейшего» на Юге вызывала неудовольствие многих. В связи с этим Потёмкина должно было сильно обеспокоить решение Екатерины лично посетить новые края. Обдумывая способ, как наиболее выгодно продемонстрировать находившиеся в его распоряжении войска, правитель решил прибегнуть к помощи Суворова.

Суворов деятельно занялся реорганизацией армии. Были отменены сложные головные уборы, значительно упрощена одежда солдата, бессмысленная шагистика

заменена активным военным обучением. Маневры прошли блестяще. Суворов получил от императрицы «за гулянье», как он иронически выражался, золотую табакерку.

Вскоре вспыхнуло зарево новой войны, начатой Турцией в надежде вынудить Россию отказаться от недавно присоединённого к ней Крыма и тем ограничить её быстро возраставшую мощь на Чёрном море.

Ещё задолго до начала этой войны Суворов писал одному из приближённых императрицы: «Остерегайте мою невинность от кораблекрушения. Жертвовать Суворовым грех. Он добрый человек, истинен, годится лучше других». Но в то время это был глас вопиющего в пустыне. Теперь, когда разразилась война, выяснилось, что Россия совершенно не готова к ней. Нехватало амуниции, снарядов, лошадей. Но нужно было найти выход из положения. Вот тут-то и вспомнили о Суворове — он на самом деле «годился лучше других».

Суворову был поручен наиболее опасный район. На старом полководце сосредоточились все надежды главнокомандующего русскими войсками.

В августе 1787 года Суворов приехал в Херсон. На этот раз ему был дан тридцатитысячный отряд, целая армия по тем временам. Полководец развил кипучую деятельность. В кратчайший срок он укрепил всю береговую полосу, во многих пунктах выросли батареи, установлено было тщательное наблюдение за пунктами возможной высадки десантов. Турецкий флот господствовал на Чёрном море, и было очевидно, что турки попытаются высадить десант. Наиболее удобным местом для этого представлялась далеко вдававшаяся в море песчаная коса близ города Кинбурна. Поэтому Суворов обратил особое внимание на её укрепление.

1 октября турецкая флотилия приблизилась к Кинбурнской крепости и начала её обстрел. Тотчас же море покрылось десятками спущенных турецких шлюпок.

Суворов не хотел ограничиваться отражением турецкого десанта. Его правилом был полнейший разгром противника, его уничтожение. И хотя турок было 5 тысяч, а в Кинбурне Суворов имел лишь 3 тысячи человек, он позволил неприятелю беспрепятственно высадиться.

Суворов знал, что многим офицерам его план покажется чересчур рискованным, поэтому он скрыл от них свой замысел. К полному изумлению всех, он запретил открывать огонь по турецкому десанту. «Господа офицеры,— сказал он,— сегодня день праздничный: Покров, пойдём к обедне». Обедня началась, и хотя прибывали гонцы с донесением о высадке турок и об их приближении к крепости, Суворов не шевельнулся. Он хотел завлечь противника поглубже.

Турки, руководимые французскими офицерами-инструкторами, вырыли на косе пятнадцать рядов траншей и, создав таким образом опорный пункт, стали продвигаться вперёд. Когда они приблизились к крепости на расстояние версты, Суворов прекратил обедню и повёл войска в контратаку. Но численное превосходство турок и недостаточная выучка кинбурнского гарнизона, состоявшего преимущественно из новобранцев, помешали полководцу осуществить его замысел. Оттеснённые до самой оконечности косы, турецкие войска, поддержанные орудийным огнём со своих кораблей, оправились и в свою очередь потеснили русских.

Суворов медленно отходил с арьергардом отряда. Лошадь под ним была ранена. Увидев трёх солдат, ведших под уздцы коня, и думая, что это русские, он окликнул их. Это оказались турки. Они стремительно бросились на русского генерала. Мушкетер Степан Новиков заметил это и спас Суворова. Двух турок он заколол; третий обратился в бегство.

До позднего вечера продолжался упорный бой. Сражавшийся в самых опасных местах Суворов получил две

раны: в руку и в грудь, но отказался уйти с поля битвы.

На закате солнца Суворов двинул казачьи части по отмели в обход противника и одновременно ввёл все старательно приберегавшиеся им резервы. Турки были опрокинуты и уничтожены; только десятая часть из них сумела добраться до кораблей.

Это была большая победа, значение которой возрастало от того, что она явилась в этой кампании первой победой.

Наша Кинбурнска коса
Вскрыла первы чудеса, —

пели солдаты.

Потёмкин воспрянул духом. Он вызвал Суворова в армию, осаждавшую турецкую крепость Очаков. Руководство операциями здесь принадлежало Потёмкину. Вновь оказавшись на вторых ролях, Суворов не мог повести дело так, как это ему подсказывал его военный гений. Он настаивал на том, чтобы вместо долгой осады, изнурявшей русские войска в гораздо большей степени, чем турецкие, дело было решено штурмом. «Одним гляденьем крепости не возьмёшь»,— говорил он. Однако Потёмкин продолжал вялую, бесплодную осаду.

В конце концов Суворов решил поставить медлительного главнокомандующего перед совершившимся фактом и вынудить его к энергичным действиям. Он завязал на своём участке крупный бой с турками. Почти весь гарнизон крепости был стянут к пункту, где суворовцы с обычной стойкостью вели неравный бой, не отступая ни на шаг. Решительный одновременный удар с другой стороны почти наверное обеспечил бы успех. Но Потёмкин отказался предпринять штурм и даже не нашёл нужным выслать Суворову подкрепление. В разгаре сражения Суворов был ранен в шею; войска, оставшиеся без командующего, уступили натиску неприятеля.

Этот инцидент заслонил в глазах Потёмкина и Кинбурнскую битву и все прежние заслуги Суворова. Гениальный полководец был удалён из армии.

Около девяти месяцев длилась на этот раз отставка Суворова. Война шла с переменным успехом; выступившие на стороне России австрийцы потерпели ряд поражений. Русские солдаты тысячами гибли в безрезультатных битвах, а Суворов вынужден был пребывать в бездействии. Только весной 1789 года он вновь получил назначение в действующую армию.

Суворову было вверено командование отрядом, расположенным на стыке с союзной австрийской армией. Это был ответственнейший участок фронта.

Вскоре после приезда Суворова австрийский главнокомандующий, принц Кобургский, получил сведения о готовящемся против него крупном наступлении турок и обратился за помощью к русскому полководцу. 16 июля Суворов выступил на соединение с союзниками и 50 вёрст, отделявшие его от австрийцев, прошёл в 28 часов. Австрийским командованием был разработан план обороны. Адъютант принца Кобургского тотчас прибыл к Суворову, приглашая его для обсуждения этого плана. Но у русского полководца были другие замыслы. Хотя русско-австрийские войска значительно уступали по численности неприятельским, Суворов задался целью перехватить инициативу, напасть врасплох на турок и нанести им сокрушительный удар.

Склонять австрийцев к принятию этого смелого плана не было смысла: пришлось бы долго уговаривать их, чтобы преодолеть их робость, а между тем план мог удаться только при условии немедленного стремительного удара. Поэтому Суворов, веривший в свои силы и в правильность своего замысла, решил повернуть события по-своему. Сделал это Суворов со свойственной ему оригинальностью. Под разными предлогами он отказался при-

нять посланных к нему одного за другим трёх курьеров австрийского главнокомандующего; Кобург сперва удивился, потом обиделся, потом вовсе стал втупик. В 11 часов вечера он неожиданно получил написанную по-французски записку Суворова: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами. Среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влево... Говорят, что турок перед нами тысяч 50, а другие 50 — дальше; жаль, что они не все вместе — лучше было бы покончить с ними разом».

Тут же была приложена краткая диспозиция, которую составил Суворов.

Австрийские генералы пришли в замешательство. Но так как колонна русских войск в назначенный час выступила, австрийцам пришлось подчиниться воле Суворова.

Перейдя с боем реку Путну, войска двинулись к Фокшанам, где расположились основные неприятельские силы. Дорога к Фокшанскому лагерю вела через густой, труднопроходимый лес, подступы к которому защищала турецкая конница. Суворов решил предпринять обходный манёвр. Он свернул с дороги и пошёл напрямик через болота. Увязая в тине, на каждом шагу проваливаясь в трясину, солдаты с огромным трудом, но быстро прошли эту часть пути.

Результатом обходного манёвра было появление русских войск с той стороны, откуда турки не ожидали их. Все турецкие пушки были направлены совершенно в другую сторону. Здесь не было возведено укреплений — словом, ничто не мешало Суворову нанести внезапный фланговый удар и опрокинуть неприятеля. Турецкая армия была разбита. Победителям достались огромные трофеи.

Больше месяца потребовалось туркам, чтобы оправиться от понесенного поражения.

В сентябре они сосредоточили стотысячное войско и снова двинулись против войск Кобурга.

Вновь прискакал гонец к Суворову: австрийцы возлагали на него всю надежду. Военная репутация гениального русского полководца стояла уже на такой высоте, что даже австрийские генералы, не способные понять его методов ведения войны и своеобразия его личности, в трудную минуту обращались к нему как к последнему прибежищу.

Суворов ответил Кобургу одним словом, написанным на клочке бумаги: «Иду».

На этот раз в распоряжении Суворова оказалось 25 тысяч человек, бо́льшую часть которых составляли австрийцы. Верный своей наступательной тактике, полководец решил атаковать стотысячную турецкую армию, занимавшую сильную позицию между реками Рымник и Рымна. Кобург во всём подчинялся ему.

Прискакав к реке Рымне, откуда уже видны были турецкие позиции, Суворов, несмотря на свои шестьдесят лет, вскарабкался на высокое дерево и долго обозревал расположение врага. В голове его складывался смелый план сражения. Главная тяжесть падала на русские войска: они должны были смять левое крыло турок и вслед затем врезаться в центр неприятельской позиции; австрийцам тем временем надлежало приковать к себе внимание правого фланга турецких войск медленным наступлением.

Русская колонна, отбив нападение турецкой конницы и перебравшись под жестоким огнём через глубокий овраг, опрокинула турок.

В это время произошёл известный эпизод, описанный одним очевидцем, австрийским офицером. Спустившись в овраг, карабкаясь под жерлами неприятельских пушек, гренадеры внезапно разразились громовым хохотом: везде сущий Суворов рассмешил их какой-то шуткой. Этот хохот показался австрийцам, как сообщает рассказчик, «неожиданным и демоническим». Турки обратились в бег-

ство. Суворов тотчас перестроил войска и повёл их в глубь турецкого расположения. Турки со всех сторон окружили его отряд, вражеская картечь опустошала ряды, густые массы неприятельской конницы то и дело врубались в истомлённые зноем и битвой каре суворовцев. Но солдаты неуклонно, как лавина, продвигались вперёд, взяли штурмом господствовавшую над полем сражения деревню и, оттеснив противника, соединились с еле державшимися австрийскими войсками.

Тогда, не давая туркам опомниться, Суворов повёл против их последних позиций общее наступление всеми силами. В атаке турецких окопов приняла участие не только пехота, но и кавалерия. Ошеломлённые стремительностью натиска, поражаемые русской артиллерией, турки пришли в замешательство и бежали, понеся огромные потери и оставив богатейшую добычу.

Сохранился рассказ, что при дележе захваченных пушек между русскими и австрийцами возникли трения.

— Отдайте австрийцам,— распорядился Суворов,— мы себе ещё достанем, а им где взять?

Эта победа над ожесточённо дравшимся, вчетверо превосходившим численно противником поразила всю Европу. Даже зависть и недоброжелательство царских придворных не могли на сей раз помешать щедрому награждению человека, которого вся русская армия уже считала своим героем. Суворов получил титул графа Рымникского и орден Георгия 1-й степени. На турок имя Суворова стало нагонять суеверный страх.

Однако главнокомандующий Потёмкин не сумел воспользоваться Рымникской победой. Война затянулась, и турецкое правительство сумело создать новую армию. Прошёл год. Русские войска всё более теснили противника, захватили ряд его крепостей, но турки не сдавались. Важнейшим узлом их сопротивления была крепость Измаил. Расположенный на берегу Дуная, окружённый

глубоким рвом и высоким валом, снабжённый сильной артиллерией, Измаил представлял собою неприступную твердыню. Её оборонял тридцатипятитысячный гарнизон под начальством одного из лучших турецких генералов.

Осенью 1790 года армия Потёмкина осадила Измаил. Русских войск было около 30 тысяч, причём половину их составляли плохо вооружённые казаки.

С запада, севера и востока Измаил был блокирован сухопутными войсками под командованием двух генералов, с юга блокадное кольцо замыкала русская дунайская флотилия. Общего командования не было.

Командующий флотилией де Рибас 20 ноября предпринял штурм Измаила со стороны Дуная и захватил сильный редут Табие. Но турки, воспользовавшись бездействием русских сухопутных войск, сосредоточили крупные силы и в результате трёх контратак выбили из редута войска де Рибаса.

После этой неудачи собрался военный совет, который признал, что Измаил взять штурмом нельзя, а поэтому решил отступить на север и расположить войска на зимних квартирах. Это решение тотчас же стали приводить в исполнение, и прежде всего из-под Измаила ушла осадная артиллерия.

Тогда Потёмкин послал под Измаил Суворова. Не в пример другим генералам, путешествовавшим в сопровождении целой свиты, Суворов приехал под Измаил, имея при себе только одного казака, везшего узелок с его вещами.

Изучив обстановку, Суворов увидел, что с теми силами, которые были в его распоряжении, взять штурмом крепость, действительно, чрезвычайно трудно. Но иного пути для овладения Измаилом не было: осадные действия в течение зимних месяцев, несомненно, вызвали бы больше потерь в русской армии, чем в турецкой. Полагаясь на

храбрость и боевой пыл солдат, Суворов принял решение штурмовать Измаил.

Разработав подробный план, Суворов приступил к обучению солдат технике штурма крепости. Он приказал выкопать ров и насыпать вал по образцу измаилского, лично показывал, как нужно перебираться через ров, взбираться на вал и т. д. День и ночь шло обучение войск. Суворов проводил целые часы среди солдат, наставляя их, ободряя, подгоняя шутками и окриками, внушая каждому мысль о необходимости штурма, внедряя в каждого уверенность в успехе его.

За несколько дней армия преобразилась, солдаты ободрились, воодушевились. Недавно ещё унылые, не верившие в успех дела, войска теперь рвались в бой.

Со дня прибытия к Измаилу Суворов совершал беспрестанные рекогносцировки, изучая местность и укрепления. Сопоставляя свои личные наблюдения с донесениями лазутчиков, Суворов убедился, что наиболее доступна та сторона крепости, которая примыкает к Дунаю. Сюда он и решил направить главный удар.

Прежде чем приступить к штурму, Суворов послал письмо коменданту Измаила с предложением о капитуляции. К официальному письму была приложена записка следующего содержания:

«Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на рассмотрение».

11 декабря 1790 года в шестом часу утра штурмовые колонны пошли на приступ.

Шесть колонн атаковали Измаил с суши, а три десантные группы действовали со стороны Дуная. Против флангов крепости Суворов сосредоточил бо́льшую и лучшую часть своих войск, которые были поддержаны огнём четырёх сильных батарей полевой артиллерии. Шестой

колонной, штурмовавшей восточный фас крепости, командовал Кутузов, лучший ученик Суворова.

Турки встретили атакующих сильнейшим пушечным и ружейным огнём. Но ничто не могло остановить русских солдат. Перебравшись под жестоким огнём через огромный, в шесть сажен шириной, ров, они стали взбираться по приставным лестницам на вал. Турки осыпали их картечью, выливали на головы кипяток, сталкивали с лестниц. Однако в семь часов утра крепостная ограда была взята; сражение перекинулось в глубь города.

Турки предприняли несколько отчаянных вылазок, однако Суворов, зорко следивший за всеми перипетиями боя, во-время направил резервы, которые помогли отразить эти вылазки.

К вечеру сражение закончилось победой русских. «Гордый Измаил у ног Вашего величества», — писал Суворов в донесении Екатерине.

Весть о взятии Измаила произвела огромное впечатление во всём мире; было ясно, что турки уже не оправятся от этого удара.

Суворов надеялся, что его произведут теперь в фельдмаршалы — это обеспечило бы ему значительно бо́льшую самостоятельность в ведении операций. Но оказалось иначе. Лавры победителя достались Потёмкину, а Суворов остался в тени. Мало того, императрица отозвала его из армии и поручила заняться устройством крепостей в Финляндии.

— Фортуна вертит счастьем, как колесо спицами,— сказал Суворов. Он уже привык к сыпавшимся на него несправедливостям.

Суворов отправился в Финляндию и погрузился в совершенно не привлекавшую его инженерную работу. Он возводил укрепления, реставрировал крепости, входил во все детали строительных работ. На каждом шагу он сталкивался с невежеством, взяточничеством, с недобросо-

МЕДАЛЬ В ЧЕСТЬ СУВОРОВСКИХ ПОБЕД

вестностью в работе. Суворов протестовал, писал рапорты, нигде не встречая ни поддержки, ни сочувствия.

В конце 1792 года Суворов был переведён из Финляндии на юг России с поручением возглавить расположенные там войска и укрепить границу, «дабы есть ли Порта, паче чаяния, заведена будет возмутителями французами в неприязненные против нас действия, везде встретила сильнейший отпор и уничтожение всяких покушений»[1]. Это назначение несколько ободрило Суворова.

Весной 1794 года началась война с Польшей. На этот раз войска поляков представляли гораздо бо́льшую силу, чем в первой польской войне. Поляки стойко сражались под искусным командованием Тадеуша Костюшко.

[1] Рукописный Суворовский сборник. Архив Ленинградской публичной библиотеки.

В течение лета военные действия не дали решающего результата. Поляки рассчитывали, что на зиму военные действия вовсе затихнут и это даст им время для того, чтобы укрепиться и усилить свои войска.

Расчёты на зимнее затишье были сорваны назначением Суворова в действующую против поляков армию. В августе полководец выступил с отрядом в 5 тысяч человек.

Опять Европа стала свидетельницей знаменитых суворовских маршей. С невероятной для того времени быстротой двигались суворовцы навстречу польской армии. В течение пяти дней поляки были трижды разбиты: у Дивина, у Крупчицы и у Бреста. В этих боях русских было в два-три раза меньше, чем противника, но победа была полная.

Суворов внушал войскам убеждение в решительном их превосходстве над противником. Случилось, что в одном бою, когда у русского авангарда не было артиллерии, какой-то офицер доложил Суворову: «У неприятеля есть орудия».— «У него есть орудия?» — переспросил полководец.— «Да возьмите их у него и бейте его ими же».

Суворовский гений проявился во всей силе. Русское командование намечало сложный план, наступление должно было развиваться медленно. Однако Суворов повернул ход событий по-своему. С большим трудом добившись подкрепления в шесть тысяч человек, он стремительно направился прямо к Варшаве.

В густом лесу, около городка Кобылки, произошёл ожесточённый бой с поляками. Не дожидаясь, пока подтянется всё войско, Суворов лично повёл в атаку кавалерию; когда кони не смогли пробиться сквозь чащу кустов и деревьев, он велел кавалеристам спешиться и ударить в палаши. Эта необыкновенная атака пеших кавалеристов — «чего я никогда не видел»,— писал Суворов впоследствии,— увенчалась полным успехом.

Путь на Варшаву был открыт.

Предместье польской столицы Прага представляло собою мощную крепость. Два глубоких рва и два высоких вала окружали его. Перед рвами были устроены засеки, и целая сеть «волчьих ям». Штурм Праги был исключительно трудным делом.

24 октября 1794 года начался общий штурм Праги. Диспозиция этого штурма во многом напоминает измаильскую диспозицию. И здесь атака велась несколькими колоннами (семью), причём некоторые из них осуществляли только демонстрацию — оттягивали силы противника от наиболее уязвимого, по оценке Суворова, пункта, куда были брошены наиболее сильные колонны.

Сражение носило упорный характер, но победа Суворову далась всё же гораздо легче, чем под Измаилом: поляки, потерявшие своего способного военачальника,— Костюшко незадолго перед этим был ранен и взят в плен,— вскоре растерялись и, теснимые русскими, обратились в бегство. Атакующие ворвались следом за ними в Прагу. Они были в большом ожесточении. Суворов не хотел напрасных жертв, поэтому он остановил свои войска у Вислы, а мост, соединявший Прагу с Варшавой, приказал разрушить.

В память этого великодушного поступка Суворова поляки впоследствии преподнесли ему золотую табакерку с благодарственной надписью.

На другой день Суворов торжественно въехал в польскую столицу. Он принял все меры к тому, чтобы, насколько возможно, национальное чувство поляков не было оскорблено: освободил значительную часть пленных офицеров; в чём только мог оказывал помощь и льготы населению.

Блестящие победы Суворова вызвали взрыв энтузиазма в России и внушили ужас её врагам. Екатерина II возвела Суворова в чин фельдмаршала. Он был назначен военным правителем Польши и оставался на этом посту свыше года.

Своим девизом Суворов поставил великодушие и гуман-

ность; управляя согласно этим принципам, он снискал всеобщее расположение поляков. Однако в правительстве его политика не нашла себе поддержки. Суворов был отозван в Петербург и в начале 1796 года назначен командующим одной из южных армий. Местопребыванием своим он избрал город Тульчин.

В биографии Суворова наступили светлые месяцы. Он был самостоятельным командующим армией, он воспитывал её по своему плану. В это время полководец окончательно отредактировал своё знаменитое наставление, так называемую «Науку побеждать».

В «Науке побеждать» Суворов изложил «три воинские искусства» — «глазомер, быстрота и натиск».

«Глазомер: оттеснён враг — неудача; отрезан, окружён, рассеян — удача».

«Быстрота: атаковать неприятеля, где бы он ни встретился; посему: где тревога, туда и дорога, где «ура», туда и пора, голова хвоста не ждёт».

«Натиск: сам погибай, а товарища выручай...».

Таково содержание «воинских искусств».

«Штык, быстрота и внезапность суть вожди россиян»,— говорил Суворов.

Победа достигается искусством. Поэтому «ученье свет, неученье — тьма. Дело мастера боится»...

«Субординация, эксцерциция (обучение), дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!» Этими словами закончил Суворов свою «Науку побеждать», которая провозглашала новые основы воспитания и обучения войск, новую тактику. Правильность их Суворов подтвердил своими победами на полях сражений.

Смерть Екатерины II резко изменила положение Суворова. Павел I, ограниченный и сумасбродный деспот, вступив на престол, сразу начал перестраивать армию на прусский лад.

На первых же порах выявилось коренное расхождение взглядов Суворова и Павла I на реформы в армии. Император был убеждён, что чем ровнее шаг, тем больше шансов на победу. Суворов, отдавая должное бравой выправке, заботился главным образом о боевой выучке солдат. Павел, следуя взглядам немцев, полагал, что солдат не должен рассуждать,— Суворов требовал, чтобы каждый воин понимал свой манёвр; Павел хотел внедрить прусские порядки — Суворов отстаивал жизненность и превосходство национальных русских традиций; Павел стремился обратить войско в механизм — Суворов уважал в каждом солдате его человеческое достоинство.

Между русским суворовским военным искусством и прусским лежала непроходимая пропасть. Найти общую почву тут было невозможно.

Суворов, видимо, и сам чувствовал это. Обычно он старался избегать конфликтов с правительством, но на этот раз, несомненно, предвидя тяжёлые для себя последствия, он ничем не пытался предотвратить назревавшее столкновение. Он открыто выражал своё несогласие с реформами императора, открыто восставал против стремления навязать русской армии прусские порядки.

— Русские прусских всегда бивали. Что ж тут перенять?—возмущённо говорил Суворов.

И он не только смело критиковал распоряжения Павла, но и категорически отказывался проводить их в жизнь. В его войсках всё оставалось попрежнему. Солдаты ходили без напудренных париков, введённых Павлом в армии, их не дрессировали, как того требовали прусские правила, обучали боевым приёмам, а не бессмысленной шагистике.

Подчиняться же «прусским затеям», которые он считал гибельными для русской армии, Суворов был не в состоянии. Он предпочитал лучше покинуть своё любимое детище, свою армию, чем собственными руками губить то, что с такими трудностями взращивал.

В один из первых дней февраля Суворов отправил императору прошение об отставке. В ответ он получил от графа Растопчина уведомление, что ещё до получения его прошения император повелел отстранить его от службы.

Суворов гордо встретил этот удар. Сдав командование, он выехал в пожалованное ему после польской войны имение Кобрино.

Но не успел старый полководец как следует осмотреться в Кобрине, как его постигло новое гонение, тяжелее прежнего: Павел сослал его в самое отдалённое суворовское поместье, село Кончанское. Лежавшее в глухом углу Новгородской губернии, вдали от проезжей дороги, Кончанское представляло собою в полном смысле «медвежий угол». Никому из офицеров не было разрешено следовать за полководцем, чтобы разделить тягость ссылки. Только верный камердинер его, Прохор Дубасов, в просторечье Прошка, мог сопровождать своего господина. Суворова так быстро увезли из Кобрина, что он ничего не успел взять с собой. Павел и его окружение торопились подальше запрятать человека, в котором армия видела олицетворение своего национального достоинства, несокрушимый протест против насильственного подчинения её чужеземным порядкам.

Суворов стоически отнёсся и к этому повороту своей судьбы. При его скромных привычках необходимость жить в Кончанском без всяких удобств, в простой избе, не являлась для него тяжким лишением. Он много читал, «сколько позволяли глаза, начинавшие слабеть», внимательно следил за международной политикой, выписывал французские и немецкие газеты. Среди прочитанных им книг была и запрещённая тогда книга Фонтенеля «О множестве миров» и стихи шотландского барда Оссиана, которые Суворов вознамерился даже перевести на русский язык.

Летом он уходил на гору Дубиху и здесь в небольшом домике, среди дубов и елей, проводил целые дни. Вокруг

СУВОРОВСКИЙ ДОМИК НА ГОРЕ ДУБИХЕ У СЕЛА КОНЧАНСКОГО

не было ни одного человека, только камердинер Прошка, сидя неподалеку, грел медный чайник.

Много радости доставил Суворову приезд его дочери. «Наслаждаюсь с Наташей»,— записывал он в июне 1797 года.

Но враги не оставляли его в покое даже в далёком Кончанском. Павел приказал взыскать с опального полководца по самым невероятным счетам подрядчиков и купцов, имевших дело с Суворовым, когда он командовал армией. Дело дошло до того, что один поляк вчинил Суворову иск за повреждения, нанесенные его имению русской артиллерией. Суворов очутился на краю разорения.

К тому же император прислал в Кончанское грубого, беззастенчивого чинушу, некоего Николева, которому поручен был надзор за полководцем. Николев держал себя крайне нагло, следил за каждым шагом Суворова, контро-

лировал его переписку, не допускал к нему никого. Всё это было чрезвычайно унизительно и тягостно.

Павел надеялся, что старый фельдмаршал покорится, попросит вернуть его из ссылки и станет исполнять то, что ему предпишут. Но прошёл год, а Суворов, больной, томящийся от безделья, уязвлённый мелочной опекой, страдающий от вопиющей несправедливости, не сдавался. Воля его оставалась непреклонной. Скрепя сердце, Павел сделал первый шаг. Он знал, что армия всецело на стороне старого полководца. Надеясь прийти к какому-нибудь соглашению с Суворовым и опереться, таким образом, на его громадный авторитет, Павел вызвал фельдмаршала в Петербург, милостиво обошёлся с ним и предложил вновь поступить в армию.

С одной стороны — Кончанское, с другой — Петербург; с одной стороны—томительное безделье, с другой—любимая деятельность в армии. Но Суворов понимал, что император рассчитывает на его послушание, на то, что он своими руками будет онемечивать русскую армию. Этого Суворов не мог допустить. Он отверг предложение Павла I и возвратился к месту своей ссылки.

Дни текли за днями. Серьёзную работу Суворов перемежал с забавами: играл с деревенскими ребятишками, устраивал свадьбы крестьян, завёл себе специальную «птичью горницу». Но силы его—и физические и нравственные—начали истощаться. Всё чаще ныли старые раны, тревожили возобновившиеся притязания, а главное—упорная, мстительная неприязнь императора.

Как-то к кончанскому затворнику приехал генерал Прево де-Люмиан, которого Суворов знал по Финляндии. Генерал этот был послан самим императором с целью узнать мнение фельдмаршала о возможной войне с Францией. Суворов, внимательно следивший за событиями в Западной Европе, изложил в кратких чертах продуманный им в тиши Кончанского план назревавшей войны, но ничем не выразил стремления лично участвовать в ней.

Он гнал от себя мысль капитулировать перед императором, изменить своим убеждениям. Но продолжать дальше тоскливое существование в Кончанском он тоже не мог. Ища какой-нибудь перемены, он в минуту беспросветного уныния написал Павлу прошение: «Всеподданнейше прошу дозволить мне отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу».

Между тем надвигалась новая война. В 1799 году Павел I присоединился к антифранцузской коалиции, в состав которой входили Англия, Австрия, Турция и Неаполь. Главные военные действия развёртывались в Италии.

За несколько лет перед тем французские войска под командованием Бонапарта разгромили австрийцев; Австрия лишилась ряда итальянских областей. Теперь австрийцы с помощью русских надеялись взять реванш. Предстояла упорная борьба, и на исход её большое влияние должен был оказать выбор главнокомандующего.

Руководитель английской политики Питт настойчиво рекомендовал вручить командование объединёнными русско-австрийскими силами Суворову. Венский двор присоединился к Питту в этой просьбе. Императору Павлу ничего не оставалось, как согласиться.

В феврале 1799 года, ровно через два года после приказа об отставке, к Суворову примчался курьер Павла I. Императорский рескрипт гласил: «Сейчас получил я, Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идут. Итак, по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

Суворов не медлил. Камердинер Прошка получил от него замечательный приказ:

«Час собираться, другой — отправляться. Еду с четырьмя товарищами. Приготовь 18 лошадей. Денег взять на дорогу 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтобы такую сумму поверил. Еду не на шутку, да ведь я же служил здесь дьячком и пел басом, а теперь еду петь Марсом» [1].

Заняв у старосты Фомки денег на дорогу, фельдмаршал без долгих сборов отправился в Петербург. Весть о его приезде привела армию в восторг. Впрочем, не только солдаты, но и жители Петербурга бурей оваций встречали вернувшегося из ссылки полководца.

Павел заставил себя быть крайне вежливым с Суворовым; наградил его орденом и, что самое важное, обещал полную свободу действий в предстоящей кампании.

Проведя около двух недель в столице, Суворов выехал в Вену.

Суворов имел твёрдое намерение отстоять обещанную ему Павлом независимость в ведении военных операций. Из этих соображений он отказался сообщить австрийцам свой план кампании, а получив план австрийского командования, просто перечеркнул его. На каждом шагу Суворов подчёркивал своё желание сохранить полную самостоятельность, при этом, как всегда, он отличался крайней прямолинейностью. Но все его старания добиться полной свободы действий не увенчались успехом.

Военное руководство осуществлял в Австрии высший придворный совет - гофкригсрат, которому был обязан подчиняться и Суворов, поскольку под его командованием была не только русская, но и австрийская армия. Состоявший из бездарных генералов и чиновников, гофкригсрат пытался во всех мелочах управлять армией из Вены. При существовавшем тогда способе связи через курьеров это приносило особенно большой вред. Главнокомандующий лишался всякой возможности действовать активно

[1] Марс—в античной мифологии бог войны.

А. В. СУВОРОВ

и своевременно, он был обречён на незавидную роль выполнителя запоздалых директив.

— Везде невежественный гофкригсрат — неискоренимая привычка битыми быть,—говаривал Суворов.

Не задерживаясь в Вене, фельдмаршал выехал в действующую армию. Русские войска он застал на марше. Суворов не узнал своих старых солдат. Они были в напудренных париках с косами и шли, держа строжайшее равнение, но делали всего 10—12 вёрст в день. Многие офицеры везли с собой жён, дворню и даже борзых собак.

Появление Суворова в войсках, как всегда, вызвало большой подъём духа среди русских. Офицеры сразу подтянулись и ревностно приступили к выполнению своих обязанностей; нижние чины с гордостью почувствовали себя воинами. Вскоре внешний вид войск совершенно изменился. Суворов первым долгом отменил ношение напудренных кос, значительно упростил установленную Павлом форму одежды, и все как-то сразу приободрились. Суворов потребовал, чтобы войска проходили по 50 вёрст в сутки, как ходили они с ним раньше, и русские солдаты опять поразили мир своими стремительными маршами.

Австрийцам эти суворовские марши, не прерывавшиеся и во время плохой погоды, пришлись не по вкусу; они жаловались на усталость, а под этими жалобами крылась зависть австрийских генералов, неприязнь к поставленному над ними русскому полководцу.

Однажды Суворов заставил австрийцев под дождём перейти в брод одну речушку. Австрийский генерал Мелас по этому случаю прислал ему резкое письмо. Суворов ответил приказом: «До сведения моего дошло, что австрийская пехота промочила ноги. Если кто-нибудь боится насморка, пускай он остаётся дома, но если кто хочет сражаться под моим командованием, он должен подчиниться».

Французы отступали, не принимая боя. В первых числах апреля Суворов занял крупный город Верону. Он помышлял о том, чтобы всеми силами обрушиться на французскую армию. Но из Вены присылались ежедневные депеши: гофкригсрат настойчиво требовал, чтобы русско-австрийская армия осадила крепости, в которых французы, отступая, оставили свои гарнизоны,— в первую очередь сильную крепость Мантую.

Суворов смог сосредоточить для наступления только 40 тысяч человек. С этими силами он двинулся на город Милан. Французский главнокомандующий генерал Шерер решил, наконец, оказать сопротивление Суворову, используя сильную позицию по берегу реки Адды.

Суворов приказал наводить мосты сразу в трёх пунктах, отстоявших один от другого на несколько десятков километров. Этим он достиг того, что Шерер разбросал свои войска кордоном. Суворов отдал приказание начать переправу через мост у Сен-Джервазио. В этот момент он получил сообщение, что Шерер заменён Моро. Противником Суворова оказался энергичный и талантливый генерал.

— Мало славы было бы разбить шарлатана,— сказал Суворов, имея в виду Шерера.— Лавры, которые мы похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть.

Не давая времени Моро стянуть свои распылённые на стокилометровом пространстве силы, Суворов переправил у Джервазио конницу, а вслед за ней пехотные полки. Одновременно он приказал форсировать реку в близлежащем пункте, у Кассано. Это привело к тому, что французы не только вынуждены были отступить, но целая дивизия их была отрезана и сложила оружие. Командир этой дивизии генерал Серрюрье, когда его представили Суворову, сказал: «Если бы вы нас атаковали там, где мы вас ожидали, вы успеха бы не имели, а там, где вы нас атаковали, место для наступления неблагоприятное». Суворов иронически ответил: «Вы совершенно правы. Конечно, мой успех можно объяснить лишь тем, что я не

знаю военной науки. Вы меня уж извините, мы, русские, такие: воюем не штыком, так кулаком».

Через несколько дней Суворов во главе своей армии торжественно вступил в Милан. Австрийцам занятие Милана казалось предельным результатом, которого можно было добиться в 1799 году. Для Суворова же этот первый успех был только началом победоносной кампании, завершением которой он считал Париж.

Однако приходилось опять нарушить свои планы, чтобы успокоить австрийцев. Суворов снова отделил часть войск для осады крепостей, оставил у себя 36 тысяч и выступил с ними из Милана.

Перед ним был поспешно отступавший Моро. Из Средней Италии приближалась свежая сорокатысячная французская армия генерала Макдональда. В тылу остались сильные неприятельские крепости. Сложность положения Суворова усугублялась всё более откровенным противодействием его мероприятиям и планам со стороны австрийцев. Сплошь и рядом австрийские генералы просто не исполняли распоряжений Суворова, критиковали каждый его шаг и засыпали Вену тысячами претензий и ябед. Оттуда к фельдмаршалу нёсся поток упрёков и наставлений гофкригсрата. Положение Суворова на посту главнокомандующего становилось совершенно невыносимым.

Но его твёрдая воля преодолела все препятствия. «Разногласия в соединённой армии быть не может, доколе я не ослабею духом»,—писал он русскому послу Разумовскому.

Целью своих операций Суворов поставил на сей раз захват Турина. Столица Пьемонтского государства Турин являлся крупным политическим центром и вместе с тем исходным пунктом для замышляемого Суворовым решительного наступления на Ривьеру, откуда шёл прямой путь во Францию.

Легко преодолев сопротивление французского гарнизона, армия Суворова вступила 16 мая в Турин.

Около этого времени французская армия генерала Макдональда двинулась на выручку осаждённой австрийцами Мантуи. Узнав об этом, Суворов выставил заслон против армии Моро и, приказав австрийским генералам выделить из осадных корпусов возможно больше войск для усиления оставшихся у него незначительных сил, выступил навстречу Макдональду. Однако австрийцы не выполнили его распоряжения, ссылаясь на предписание гофкригсрата, запретившего ослаблять осадные корпуса.

Спорить было некогда. Хотя под командой Суворова оказалось меньше войск, чем было у Макдональда, а за спиной его стояла сильная армия Моро, он без колебаний устремился вперёд.

Макдональд надеялся уничтожить до прибытия Суворова австрийский авангардный отряд генерала Отта. Но в критический момент на поле битвы примчался Суворов. Он привёл с собою всего четыре казачьих полка — остальные войска растянулись по дороге, совершая под палящим солнцем невиданно быстрый переход (в 36 часов было пройдено 80 вёрст). Началась атака, в которую постепенно, по мере прибытия, втягивались русские пехотинцы.

Французы сражались храбро, но были к вечеру оттеснены до речки Треббия.

Макдональд, по его собственному признанию, провёл мучительную ночь после сражения: отступить — значило подвергнуться обвинению в трусости; сражаться — но он успел уже убедиться в нечеловеческом упорстве русских солдат. Всё же Макдональд избрал последнее. С часу на час он ждал крупных подкреплений, а в тылу у Суворова, как ему было известно, действовала армия Моро.

На следующий день сражение возобновилось. Оно протекало успешно для русских войск, но решительный успех не был достигнут.

Ночью к французам подошли подкрепления. Теперь их

было в полтора раза больше, чем русских, и с рассветом Макдональд повёл генеральную атаку.

Полки стойко отбивались от многочисленного, храбро сражавшегося неприятеля, но несли тяжёлые потери. Во многих частях убыль дошла до половины состава, а французы вводили в бой всё новые части.

На правом фланге войска дрогнули. Один из генералов послал к Суворову офицера с докладом о том, что дальнейшее сопротивление невозможно. Суворов указал прибывшему офицеру на громадный камень:

— Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Так же невозможно отступление.

Когда войска на правом фланге дрогнули и начали медленно подаваться назад, Суворов помчался к угрожаемому пункту, соскочил под огнём с лошади и вмешался в ряды отступавших солдат.

— Шибче... шибче...—кричал он,—заманивай их!

Суворов придал этим отступлению преднамеренный характер. Потом вдруг остановился и громко крикнул:

— Стой!

Он остановил войска возле скрытой в кустах батареи. Артиллеристы брызнули в лицо наседавшим французам картечью. Тотчас же вслед за этим Суворов, выхватив шпагу, повернул солдат и повёл их в атаку.

— Вперёд, ребята, коли, гони их! — кричал старый фельдмаршал, бросаясь навстречу французам. Солдаты ударили в штыки, прогнали французов и заняли прежние позиции.

Наступил вечер. Суворов помышлял о новой атаке, но полное истощение войск заставило его отложить наступление. С обеих сторон гремели батареи. Пленных французов целыми сотнями отводили в тыл, но окончательная победа не была ещё достигнута.

Противники разожгли бивуачные костры, чтобы отдохнуть хоть несколько часов перед четвёртым днём этого необычайного по упорству сражения.

В это время Суворову доложили, что в тылу у него появились разъезды приближавшейся армии Моро. Всякий другой полководец на месте Суворова приказал бы отступить, чтобы избежать риска быть окружённым. Но Суворов, неизменно борясь со страхом перед окружением, всегда учил, что окружающие войска нужно бить по частям. Он, не колеблясь, приказал на рассвете снова атаковать Макдональда, чтобы разбить его, а затем обратиться против Моро.

Этого, однако, не потребовалось: видя непоколебимое упорство Суворова и учтя понесенные громадные потери, Макдональд в полночь начал отступление. Суворов тотчас разослал гонцов с вестью о «поражении завоевателей Италии» и повёл настойчивое преследование. Под ударами суворовских отрядов отступление французов скоро перешло в бегство. Они бросали раненых, артиллерию, целые полки сдавались в плен. Армия Макдональда перестала быть грозной силой.

Во Франции поражение при Треббии произвело огромное впечатление. Имя Суворова произносилось с трепетом.

Моро назвал марш к Треббии и действия Суворова в этом сражении «вершиной военного искусства».

Разбив Макдональда и принудив отступить Моро, Суворов намеревался двинуться в Ривьеру и потом перенести войну в пределы Франции. Но на пути его снова встал гофкригсрат, требовавший осторожности, задерживавший поставку продовольствия и вообще всячески срывавший планы фельдмаршала. В сущности австрийцы уже решили провокационными мерами вызвать переброску суворовской армии в Швейцарию, чтобы завоёванная русским полководцем Италия осталась полностью в их распоряжении.

Суворов догадывался об этом коварном плане, писал Павлу и просил императора даже уволить его с поста

главнокомандующего. Ответа не последовало, и Суворову вместо похода в Ривьеру приходилось терять время в бездействии, пререкаясь с гофкригсратом.

Французы использовали передышку, оправились от поражения на Треббии и снова предприняли наступление. Во главе их стоял вновь присланный талантливый полководец Жубер, заместителем его являлся Моро.

Теперь австрийцы притихли. В момент опасности они меньше мешали Суворову.

Фельдмаршал расположил русско-австрийские войска в открытой равнине, близ города Нови. На этот раз — редкий случай в его долголетней военной деятельности — Суворов обладал численным превосходством.

Он не мог себе отказать в небольшом психологическом «трюке»: фельдмаршал выстроил всю свою армию на равнине, на виду у французов, так, что они, наблюдая в бинокль, могли сосчитать все полки Суворова. Убедившись в довольно значительном перевесе сил союзников, Жубер потерял уверенность в себе.

Французские войска занимали подковообразную сильную позицию на склонах высокого плоскогорья. Атака подобной позиции, обороняемой храбрым противником,— а французы доказали на Треббии, что являются стойкими бойцами,— была очень трудным и рискованным делом. Поэтому фельдмаршал задумал выманить неприятеля на равнину. Зная горячий нрав Жубера, он не сомневался в успехе этого плана.

Битву начали австрийские части, которым Суворов поручил атаковать левый фланг противника. Первоначально австрийцы потеснили французов, но вскоре были остановлены, а затем сброшены с высот обратно на равнину. К удивлению Суворова, французы не преследовали отступавших. Только впоследствии обнаружилась причина этого: в первые же минуты боя главнокомандующий французской армией Жубер был убит (существует вер-

сия, что он, предвидя поражение, искал смерти). Командование принял осторожный и хладнокровный Моро.

Тогда Суворов меняет тактику.

Он решает отвлечь как можно больше неприятельских сил от центра к левому флангу и, пользуясь этим, прорвать центр, взяв город Нови. Суворов хотел заставить французов израсходовать все свои резервы раньше, чем наступит решающий момент, когда в атаку пойдут русские войска под начальством Багратиона и Милорадовича.

В разгар битвы генерал, командовавший войсками, атаковавшими левый фланг неприятеля, несколько раз посылал к Суворову ординарцев, требуя поддержки, но ординарцы не могли передать это требование: завернувшись в плащ, фельдмаршал делал вид, что спит, а адъютанты не разрешали будить его.

Наконец, решив, что французы перебросили достаточно сил на свой левый фланг, Суворов вскочил на ноги и отдал приказ об атаке Нови.

Осыпаемые ядрами, пулями, русские отважно продвигались вперёд. Багратион выбил французов из канав, из всех северных предместий и заставил укрыться за высокую каменную стену, окружавшую город. Однако перебраться через эту стену русские войска не смогли. Взбиравшиеся на стену отдельные смельчаки были изрешечены пулями; пробить в стене брешь из лёгких полевых пушек, которые были подвезены к городу, оказалось невозможным.

День был невероятно жаркий.

«Зной к полудню стал нестерпим на открытой равнине,— пишет один историк,— солнце жгло отвесными лучами; солдаты падали от изнеможения и жажды; многие из легко раненых умирали от изнурения».

Это была самая упорная битва, какую приходилось вести Суворову. Французские солдаты дрались с порази-

тельным мужеством. Моро, воодушевляя своих солдат, появлялся в самых опасных местах. Суворов тоже всё время был в огне. Моментами на него страшно было смотреть. Лицо его перекосилось, он рвал на себе одежду, кричал, что не переживёт этого дня. Прибывающие с донесением офицеры, видя его в таком состоянии, вскакивали на коней и галопом неслись к своим частям; приехав, они бросали только два слова: «Атаковать! Победить!» — и отчаянное напряжение полководца распространялось через них на всю армию.

Французы ввели уже в дело все свои силы, в то время как у Суворова оставались ещё крупные резервы. Дав отдых армии, фельдмаршал в 4 часа дня начал наступление по всему фронту. Свежие части были нацелены на правый фланг противника, откуда французы оттянули бóльшую часть сил для обороны центра. Правый фланг французов был вскоре опрокинут, и русско-австрийские полки стали заходить в тыл основным позициям неприятеля. В это же время полки Багратиона ворвались в Нови.

Было 6 часов вечера 15 августа, когда вся французская армия смешалась и начала беспорядочно отступать. Повторилась в ещё более сильной степени картина разгрома, которую можно было наблюдать на Требии. Французы сдавались в плен целыми частями вместе с генералами. Страшное поражение деморализовало и тех, кому удалось спастись.

Неприятель был окончательно выброшен из Италии.

Суворов снова стал готовиться к походу в Ривьеру и на Геную, и вновь этот поход был сорван австрийским командованием, осуществившим свой коварный план. По требованию гофкригсрата расположенная в Швейцарии австрийская армия эрцгерцога Карла была выведена оттуда; в Швейцарии остался лишь 27-тысячный русский

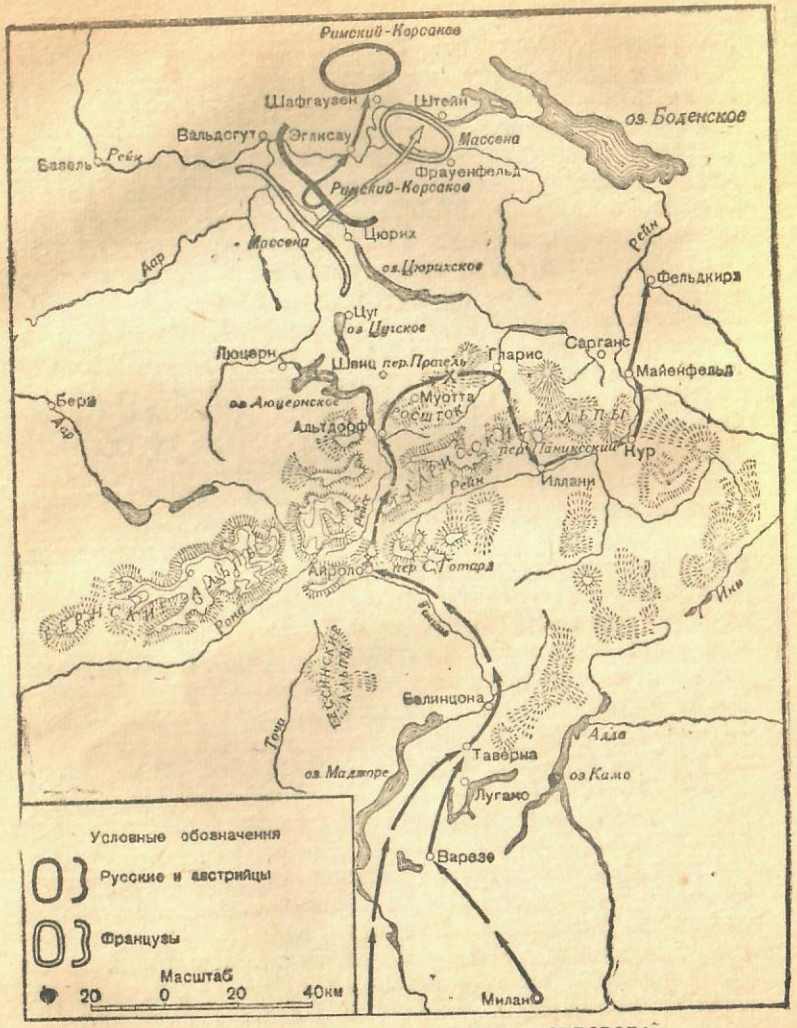

СХЕМА ШВЕЙЦАРСКОГО ПОХОДА СУВОРОВА

корпус под начальством Римского-Корсакова и незначительный австрийский отряд под начальством генерала Готце. Этим силам противостояла 72-тысячная французская армия, которую возглавлял опытный и энергичный Массена. Для того чтобы спасти оставленные в Швейцарии русские войска, Суворову нужно было дорожа буквально каждым часом, спешить на соединение с этими войсками, перевалив через Альпийский хребет.

Между тем русская армия совершенно не была готова к трудному горному походу. Она не имела горной артиллерии, специальной обуви и снаряжения, не знала местности. Требовалось время на подготовку к походу, особенно тяжёлому в связи с приближением осени.

Суворов не раз уже имел случай убедиться, что его союзники готовы на всякий неблаговидный поступок. Но подобного предательства он не ожидал. А время шло, и с каждым днём росла опасность для предоставленного самому себе корпуса Римского-Корсакова.

В последних числах августа Суворов выступил во главе 18-тысячной армии в Швейцарию.

Утром 4 сентября он прибыл в город Таверно, лежащий у подножия Альпийских гор. Увы, поспешность оказалась напрасной. Австрийцы должны были приготовить здесь двенадцатидневный запас продовольствия и полторы тысячи мулов; ни того, ни другого они не приготовили.

Приходилось ждать, теряя драгоценное время.

Пять долгих дней простоял Суворов в Таверно, прежде чем удалось раздобыть хотя бы семидневный запас продуктов и продолжать поход.

Суворов избрал кратчайший путь через горный проход Сен-Готард. За Сен-Готардом лежит город Альтдорф, а оттуда, по уверениям австрийцев, вела дорога вдоль Люцернского озера в кантон Швиц. Вступив в Швиц, армия установила бы связь с корпусом Корсакова и сразу заняла угрожающее положение на фланге у Массены.

Фельдмаршал разделил войска на две колонны. Одна была направлена в обход Сен-Готарда; другая, при которой остался сам полководец, пошла прямо на Сен-Готард.

Поход начался в неблагоприятных условиях: непрерывно лил дождь, промокшие до нитки солдаты с трудом совершали подъём по размытой дороге. С каждым часом дорога становилась уже. Случалось, что поскользнувшийся мул с поклажей скатывался в пропасть.

Старый фельдмаршал в лёгком плаще ехал на казацкой лошадке среди солдат. Всюду, где он появлялся, раздавались весёлые восклицания, лица светлели, трудности похода казались не столь страшными.

Ещё тяжелее приходилось второй колонне. В суровой горной стране, на высоте восьми тысяч футов, войска в холодные и бурные ночи не имели даже хвороста, чтобы обогреться у бивуачных костров.

Преодолев все трудности, оба отряда почти одновременно подошли к Сен-Готарду.

Вершину перевала занимали французские войска, скалы и утёсы делали их позиции почти неприступными. Утром 13 сентября русские войска повели наступление тремя колоннами. Французы, укрывшиеся за скалами, наверняка поражали карабкавшихся по кручам русских.

Две атаки были отбиты. Суворов приказал штурмовать Сен-Готард в третий раз. В этот момент над головами французов появились батальоны Багратиона, посланные Суворовым в «частный» обход. Французы поспешно отступили. Победа досталась дорого, но вход в Швейцарию был открыт.

Теперь предстояло самое трудное: пробиться через Урзернское ущелье и Чортов мост.

Недалеко от Сен-Готарда дорога из Урзернской котловины замыкается огромными скалами. Через эти скалы пробит длинный узкий туннель, называвшийся во времена Суворова «Чортовой дырой». По выходе из туннеля тропинка вьётся у подножия каменных громад и обры-

вается у берега реки Рейссы. Глубоко внизу с рёвом и грохотом несётся река. Над её пенистым течением стоят столбы водяной пыли, брызги достигают двадцатиметровой высоты. Здесь-то и находится Чортов мост, единственный путь на другой берег Рейссы. В те времена это была голая арка, содрогавшаяся от рёва проносящихся в глубине водяных потоков.

Трудно придумать более удобную для обороны, более неприступную позицию. Французский командующий генерал Лекурб, чрезвычайно смелый и энергичный человек, настолько был уверен в невозможности для русской армии пробиться здесь, что не взорвал Чортова моста. Он расположил небольшой отряд при выходе из Урзернской дыры, а два батальона — по ту сторону Рейссы.

Авангард русских под командованием Милорадовича втянулся в туннель, но, встреченный картечью и пулями, отступил. Новая попытка только доказала полную невозможность пройти через Урзернскую дыру; картечь била в упор, и ни один человек не мог пробежать невредимым через этот длинный туннель.

Тогда два отряда егерей были отправлены по скалам в обход неприятельского отряда. Карабкаясь по совершенно неприступной крутизне, они проделали сложный путь и появились над головами опешивших французов. Воспользовавшись возникшей в рядах противника паникой, русские батальоны вновь устремились в Урзернскую дыру и на этот раз прорвались.

Французы были переколоты или сброшены в реку. Развивая успех, войска устремились к Чортову мосту, но тотчас отхлынули обратно. За каждым камнем, за каждым выступом скалы вдоль самой дороги, и ниже к реке, и вверху по горам,— везде торчали ружейные дула, отовсюду летели меткие пули.

Не имея времени взорвать мост, Лекурб приказал разрушить часть его; вместо арки русские войска увидели перед собой зияющий провал.

Суворов разместил лучших стрелков вдоль берега реки. Укрывшись за камнями, они вступили в ожесточённую перестрелку с противником. В то же время несколько батальонов были опять двинуты в обход. Преодолев неимоверные трудности, они перебрались через бурлящие воды Рейссы и вышли в тыл Лекурбу. Тогда началось наступление с фронта. Солдаты разобрали стоявший на берегу деревянный сарайчик, приволокли доски и, скользя над бездной, срываясь в пропасть, поражаемые пулями, стали перебираться на другой берег. Так перешли Чортов мост.

Вечером 15 сентября авангард Суворова вступал в Альтдорф. Отсюда, по заявлению австрийцев, вела вдоль озера дорога в Швиц, являвшийся ближайшей целью похода. Но, прибыв в Альтдорф, фельдмаршал получил страшное известие. Австрийцы либо ошиблись, либо обманули его: сухопутной дороги в Швиц не существует; есть только водное сообщение по Люцернскому озеру, но на озере господствует французская флотилия.

Итак, все жертвы, все подвиги напрасны!

Суворов с железным самообладанием продолжал наводить справки о местности. Швейцарцы сообщили, что в Швиц можно проникнуть через дикий горный хребет Росшток, но в это время года через него никто не осмеливается пробираться.

Но великий полководец не колеблется. Армия пойдёт через Росшток! «Где проходит олень, там пройдёт и русский солдат».

16 сентября начался беспримерный переход. Армия с обозами и артиллерией двинулась тропой, по которой ранее карабкались лишь самые отважные охотники за серн ами. Руки и ноги коченели; солдаты и офицеры дрожали от сырости и холода: когда туман сгущался,

приходилось итти на-авось, не видя пути, ежеминутно рискуя оступиться и упасть в бездонные ледяные провалы. Обувь изорвалась в клочья, к тому же люди шли голодные, потому что вьюки с продовольствием остались далеко позади.

И все-таки армия, потеряв часть пушек, оставив в росштокских пропастях не один десяток трупов, преодолела все трудности на пути к Швицу и спустилась в Муттенскую долину.

Все сердца забились облегчённо: теперь легко установить связь с расположенным поблизости корпусом Римского-Корсакова. Оттуда пришлют продовольствие, снаряды, патроны, и потом соединившиеся русские войска Суворов поведёт к новым победам.

Так думали все. Но случилось иначе.

В день, когда старый фельдмаршал напряжённо размышлял в Альтдорфе о том, как найти выход из созданного для него австрийцами тупика, в день, когда он принимал своё героическое решение двигаться через Росшток,— Массена атаковал Римского-Корсакова и заставил его отступить на север. Одновременно французы атаковали австрийский отряд Готце и разбили его. Муттенская долина была окружена неприятелем.

«Готце! — воскликнул Суворов.— Да они (австрийцы) уже привыкли, их всегда били. Но Корсаков, Корсаков — 30 тысяч, и такая победа ровным числом неприятеля!..» Русские войска преодолели Сен-Готард, Чортов мост, Росшток и... оказались в мышеловке.

У Суворова оставалось немногим больше 15 тысяч человек. Изголодавшиеся, измождённые, без одежды и обуви, без продуктов, без надежды на чью бы то ни было помощь, они должны были устоять против 70-тысячной свежей армии Массены, в изобилии снабжённой всем необходимым.

Французский командующий не сомневался, что Суворов капитулирует, но он не знал львиной храбрости русского полководца.

— Не дам костей своих врагам,— твёрдо сказал Суворов. — Умру здесь, и пусть на могиле моей будет надпись: «Суворов — жертва измены, но не трусости».

В этот же вечер фельдмаршал созвал военный совет. Перенесённые лишения сильно истощили физические силы семидесятилетнего фельдмаршала, он еле передвигался. Но дух его, несгибаемая воля его оставались несокрушимыми.

Суворов кратко обрисовал создавшееся положение. После отступления Римского-Корсакова смысл похода меняется. Нужно вывести попавшую в мышеловку армию, пополнить её свежими силами и тогда предпринять новый поход. Для этого арьергард должен задержать приближающегося Массену, а главные силы должны итти к Гларису и с оружием в руках пробивать себе дорогу. И даже если только немногим суждено прорвать кольцо врагов, — это необходимо сделать, чтобы спасти честь русского оружия.

Вдохновенная речь Суворова рассеяла сомнения и уныние, овладевшие было многими из его военачальников. Участники совета разошлись по батальонам, передавая солдатам и офицерам частицу того мужества и бодрости, которые вселил в них старый полководец.

Утром арьергард вступил в бой с французами и, опрокинув их, преследовал на протяжении четырёх вёрст.

На следующий день Массена, подтянув свежие силы, обрушился на русские полки. Казалось, безысходное положение, в каком очутились русские войска, должно было обескуражить их, лишить мужества. Но получилось обратное. Голодные, разутые, окружённые со всех сторон, русские солдаты удесятерили свои усилия. Они бились с такой яростью, что имевший колоссальное превосходство в числе и снаряжении противник их вторично был обращен в бегство.

Во время этого поразительного боя окружённая армия оказалась гораздо сильнее духом, чем её враги. Было взято в плен много французов и среди них генерал Лекурб, командовавший французами у Сен-Готарда и Чортова моста.

В то время как арьергард так успешно выполнял поставленную перед ним задачу, основные силы небольшой суворовской армии поспешно шли к Гларису. Впереди двигался отряд Багратиона, с оружием в руках прокладывая дорогу. Но и здесь французы нашли себе союзника в природных условиях. Они укрепились на позиции, которая, по словам очевидца, «была почти неприступна: с правой стороны находилась перпендикулярная гладкая гора, но с отлогостями, между которою и озером пролегала одна столь узкая дорожка, что едва трём человекам рядом итти по ней можно. И это был единственный путь, ведущий к неприятелю. Сама природа положила здесь границы всякому мужеству».

Но выбора не было. Багратион повёл атаку, был отбит, вновь атаковал и опять неудачно. «Узкая дорожка так завалена была трупами, что делалась непроходима, и с сокрушением сердечным должно было оттаскивать тела убитых, через то очищая свой путь»,— рассказывает очевидец.

На горы опустилась туманная ночь; пошёл дождь вперемежку со снегом. Истомлённые, голодные солдаты мечтали хотя бы о нескольких часах отдыха. Они с завистью глядели на мерцавшие вдали огни Гларуса, думая о том, что им предстоит провести ещё не одну ночь на мокром снегу, не имея возможности даже развести костры.

В этот момент прибыл Суворов. Короткой беседы с Багратионом было достаточно, чтобы подсказать храброму генералу путь к победе: надо использовать непроглядный туман, предпринять обход, подкрасться по скалам к французам и внезапным ударом опрокинуть их.

Взяв егерский полк и четыре батальона гренадёр, Багратион повёл их в горы.

К вечеру после ожесточённого боя Гларис был занят. Здесь Суворов созвал новый военный совет, на котором решено было двигаться через хребет Паникс. Этой дорогой можно было спуститься из Швейцарии в долину Рейна.

Снова был выделен арьергард для прикрытия главных сил. Теперь эта задача была возложена на Багратиона. Весь день 24 сентября пятитысячный отряд Багратиона сдерживал ожесточённые атаки французской армии. Вечером арьергард оторвался от врага и двинулся в горы вслед за ушедшей вперёд главной колонной.

Чем дальше, тем труднее становился путь. Горная тропа была совершенно занесена снегом. Проводники разбежались, уверенные, что переход через Паникс в этих условиях невозможен. Шли по снежным сугробам. Вьюга заметала следы, и каждый сам прокладывал себе дорогу. Одежда обледенела и не согревала более. Размокшая, изношенная обувь сползала с ног. Многие шли без сапог, ступая по льду обмороженными ногами. Каждый неверный шаг стоил жизни: кто срывался, тому уже не было спасения.

Надо было двигаться непрерывно — под порывами ветра, под дождём, чередовавшимся со снегом. Те, кто присаживались на снежные скалы отдохнуть, засыпали вечным сном.

Старый фельдмаршал ехал среди солдат. Сердце его рвалось от боли, но мозг деятельно работал над планом новой кампании. Отсюда, с голых вершин Паникса, он отправил курьера к австрийскому эрцгерцогу Карлу, излагая свои соображения.

Самым тяжёлым испытанием оказался спуск с Паникса. «Мы увидели пропасть,— вспоминает один из участников похода,— в которую должны были спускаться по

ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ
С картины Сурикова

крутому и снежному утёсу, между высунувшихся повсюду острых и огромных камней; но чем далее мы размышляли, тем более наши страхи увеличивались, и потому... решились, наконец, спускаться. Мы уселись на край пропасти, подобрав под себя свои шинели, и покатились, подобно детям с масляничной горы».

На другой день войска, завершив этот небывалый переход, собрались у деревни Паникс. Все — солдаты, офицеры, генералы—были босы, изнурены, но дух войск, необыкновенный дух русской армии оставался несломленным. И когда Суворов, превозмогая боль и слабость, поскакал вдоль полков, приветствуя своих непобедимых соратников, — громовое ликующее «ура» было ему ответом.

Швейцарский поход явился венцом военной славы Суворова и апофеозом русского оружия. Мировая история знает мало случаев, когда бы армия, очутившаяся в столь трагическом положении, проявила бы — от вождя до последнего солдата — такую несокрушимую силу, презрение к опасности и гордую верность знамени.

Суворов отовсюду получал изъявления восторга. Павел вынужден был возвести его в чин генералиссимуса всех российских сухопутных и морских сил. Полководец готовился к новому походу. Однако обстоятельства воспрепятствовали осуществлению его планов.

Австрийцы, продолжая свою тактику, уклонялись от прямого ответа на запрос, какое количество солдат будет выставлено ими для нового похода, и вообще держали себя так, что возмущённый Суворов прекратил дальнейшие переговоры с ними. Даже Павел I, не раз уступавший лисьим ухваткам австрийцев, начал клониться к мысли о разрыве союза с ними. В конце октября он писал генералиссимусу: «Я решился отстать вовсе от связей с двором венским».

Через три недели после этого письма Павел предписал Суворову двинуться со всеми русскими войсками в

обратный путь на родину. Увидев, что на этот раз дело не шуточное, австрийцы, боясь лишиться защиты русских штыков, пустили в ход все дипломатические ухищрения, чтобы заставить Павла изменить своё решение. Но все усилия их были тщетны. Император твёрдо решил прекратить войну против Франции.

В начале января 1800 года русская армия выступила в Россию.

Исполнились сокровенные мечты Суворова. Неувядаемая слава озаряла русские знамёна. Его собственное имя стало синонимом победы и героизма.

Великий полководец получил титулы князя Италийского, графа Российской и Римской империй, генералиссимуса российских сухопутных и морских войск, фельдмаршала Австрийских и Сардинских войск, гранда Сардинского королевства, принца Сардинского королевского дома.

И все эти почести не радовали Суворова. Получив титул генералиссимуса, он грустно произнёс:

— Велик чин! Он меня придавит.

Полководец как бы предчувствовал, что судьба готовит ему новые удары.

Ещё перед швейцарским походом Суворов был болен. «Он так слаб, что едва ходит»,— писал из Италии племянник полководца, Горчаков.

Нечеловеческим усилием воли Суворов заставил себя проделать наряду с солдатами весь Альпийский поход, хотя ледяная стужа, голод и моральные страдания могли бы сломить и крепкий молодой организм. Теперь, когда предельное напряжение нервной системы упало, измученный непрерывными лишениями организм перестал повиноваться могучей воле. Семидесятилетний возраст всё чаще давал себя чувствовать.

Почти всё время Суворов лежал, командование армией стало ему не под силу. В Праге он сдал войско; генералиссимус приехал попрощаться с выстроенными полками. Солдаты с замиранием сердца глядели на своего вождя, чьё поразительное искусство в течение почти полувека вело их к победам. Теперь он еле двигался, и видно было, что ему уже не справиться с болезнью. По лицам многих ветеранов текли слёзы.

Суворов хотел что-то сказать, но горло его сжали спазмы, — он махнул рукой и, не оборачиваясь, уехал.

Полководец стремился поскорее добраться до Петербурга, но даже путешествие в экипаже оказалось для него чересчур утомительным. Пришлось свернуть в Кобрино и здесь дожидаться, пока состояние здоровья несколько улучшится.

Население Петербурга с нетерпением ожидало выздоровления генералиссимуса. Павел I прислал в Кобрино любезные письма. Но в глубине души император не мог простить полководцу его славы, его глубоко русского духа. Павел знал, что, оправившись от болезни и вступив в командование армией, генералиссимус опять явится неодолимой помехой в перестройке армии на прусский образец. Пруссофильское окружение императора не переставало вооружать его против Суворова.

Немного окрепнув, Суворов приказал везти себя в Петербург. В пути, когда он лежал на подушках в медленно подвигавшемся экипаже, ему подали письмо императора, датированное 20 марта 1800 года.

Едва Суворов пробежал прямые, ровные строки письма, как лицо его побледнело, он с лёгким стоном откинулся на подушки.

В резких, сухих выражениях Павел изъявлял крайнее недовольство в связи с тем, что Суворов имел при себе в походе «дежурного генерала», что противоречило уставу. Было очевидно, что это только предлог, что император просто хочет отделаться от завершившего свою миссию полководца.

Новая опала, вдвойне тяжкая своей неожиданностью,

постигла Суворова. В награду за все труды и подвиги, за Треббию и Паникс он получил в удел немилость царя и взрыв недоброжелательства придворных.

Умирающий семидесятилетний полководец не мог вынести нового удара. Те несколько недель, которые он прожил ещё после этого, были непрерывной агонией, безнадёжной борьбой обессиленного тела, которое уже не мог поддержать удручённый дух.

В конце апреля печальный кортеж въехал в Петербург.

Суворов неподвижно сидел в экипаже, невольно морщась от боли при сильных толчках. Его почти внесли в дом Хвостова на Крюковом канале и уложили в постель. Прибывший тотчас же адъютант Павла I объявил, что генералиссимусу запрещено посещать императорский дворец.

Одинокий, всеми покинутый полководец умирал. Император запретил навещать Суворова. Только однажды Багратион получил дозволение посетить своего друга и учителя.

Исхудавший, с печатью смерти на лице, метался на постели тот, перед кем столько лет трепетали вражеские армии. Лишь врач и сиделка были свидетелями его страданий. Увидев вошедшего, больной встрепенулся. Он не сразу узнал Багратиона; но через несколько мгновений взор его прояснился. Он прошептал что-то, глядя на своего верного соратника, хотел приподняться, но голова его бессильно опустилась на подушки. Начался бред...

Даже на смертном одре полководец остался верен своему призванию. Его не покидали мысли о сражениях, которые он дал, и ещё больше о тех, которые ему помешали дать. В бреду Суворов твердил о походе в Геную, который, по вине австрийцев, он не смог осуществить.

— Вперёд! — воскликнул он внезапно окрепшим голосом, который так часто воодушевлял и вел в бой войска.

Это были последние слова Суворова.

6 (18) мая 1800 года Суворова не стало...

Официальная газета «Петербургские ведомости» не поместила даже объявления о его кончине. Распорядившись организовать погребальную церемонию Суворова, император отправился на смотр кавалерии, чтобы не присутствовать на похоронах. Большинство сановников последовало, разумеется, его примеру.

Но отсутствие казённых, лицемерных сожалений только ярче оттенило глубокую скорбь русского народа, горячо любившего великого полководца.

В день похорон, 12 мая, десятки тысяч людей собрались перед домом Хвостова и выстроились вдоль траурного маршрута.

В десятом часу утра гроб с останками великого русского полководца был вынесен из дома, водружён на катафалк, и процессия медленно двинулась посреди расставленных шеренгами батальонов и плотных масс народа.

На катафалке, на бархатных подушках были разложены ордена умершего полководца. Русские ордена: Андрея Первозванного, Георгия 1-й степени, Владимира 1-й степени, Александра Невского, Анны 1-й степени, Иоанна Иерусалимского; прусские: Чёрного орла, Красного орла, «За доблесть»; австрийские: Марии-Терезии, Большого Креста; баварские: Золотого льва, Губерта; сардинские: Благовещения, Маврикия и Лазаря; польские: Белого орла, св. Станислава; французские: Кармельской богородицы, св. Лазаря.

...Раздались орудийные салюты, к ним присоединились резкие, трескучие ружейные залпы. Русская армия отдавала последние воинские почести Суворову.

* * *

Александр Суворов — один из величайших полководцев, известных человечеству.

Шестьдесят три сражения было дано Суворовым, и ни одно из них не было проиграно.

В чём же состояло военное искусство этого замечательного полководца? Какими путями шёл он к победе?

Путь этот начинался с боевой подготовки и воспитания войск.

С первых же шагов своей деятельности Суворов проявил талант военного воспитателя. По свидетельству современников, находившиеся под его командой части всегда отличались дисциплинированностью, выносливостью, отличным знанием боевых приёмов. Изучать только то, что может понадобиться в бою и на походе, учиться в условиях, возможно ближе напоминающих боевую обстановку,— таковы были первые правила суворовской системы.

К обучению войск он относился с такой же серьёзностью, как к ведению боевых действий. По его глубокому убеждению, военная подготовка (как рядового, так и командного состава) во многом предопределяет результат сражения.

— Легко в ученьи — тяжело в походе, тяжело в ученьи — легко в походе,— всегда говорил Суворов.

Основная идея Суворова как военного воспитателя и педагога заключалась в мысли о том, что военное обучение и воспитание—прямое дело командира, его первейшая обязанность. Воспитание войск органически связано с вождением их в бою—такова была точка зрения Суворова, и он не уставал повторять это.

Приступая к обучению, Суворов прежде всего стремился выработать в воинах выносливость, привычку к длительному физическому напряжению. Следуя принятому им правилу подавать во всём личный пример, «учить показом, а не рассказом», он установил соответствующий

режим собственной жизни. До глубокой старости он спал на сене, вставал с петухами, не носил шуб, ездил в таратайке или на казацкой лошадке.

Изнеженность Суворов ненавидел. «Чем больше удобства, тем меньше храбрости», — говаривал он.

Поразительно, в самом деле, что человек столь слабого здоровья, каким был Суворов, мог переносить в продолжение пятидесяти лет физическое и нервное напряжение войны. Это был превосходный результат систематической тренировки, спартанского режима и неослабного волевого самоконтроля.

Широко известно, какое большое внимание в обучении войск уделял Суворов маршам. Чуть не ежедневно войска совершали 30—50-вёрстные переходы с полной выкладкой, что по тем временам составляло большой груз. Грязь, дождь, разлившиеся реки, жара — ничто не должно было служить препятствием.

В методике суворовского обучения всегда был тонкий психологический расчёт, основанный на глубоком знании души солдата. Тренируя войска в длительных и трудных походах, Суворов требовал, чтобы слабые равнялись по сильнейшим. И солдаты, казалось, уже обессилевшие, неожиданно убеждались, что у них есть ещё запас сил. Рождённая в походах привычка равняться по лучшим проявлялась и в бою.

Важнейшим достоинством солдата Суворов считал сознательное отношение к выполнению своих обязанностей. «Каждый солдат должен знать свой маневр», — говорил он и требовал от солдата сметливости, инициативы. Это требование Суворова особенно резко подчёркивает принципиальное отличие его системы воспитания от прусской системы, превращавшей солдата в механическую, бездушную фигуру.

Красной нитью проходило также во всём суворовском воспитании войск требование не отступать перед врагом, как бы силён он ни был. Суворов не уставал внушать

бойцам простое и вместе с тем великое правило: только смерть или тяжёлое ранение могут остановить русского воина во время боя. Вперёд! Всегда вперёд! Даже на параде запрещал он делать хотя бы шаг назад случайно выступившему из рядов солдату.

И он достигал цели. Когда раздавался сигнал к атаке, уставшие становились бодрыми; раненые продолжали сражаться, пока в них тлела искра жизни.

Даже если враг имел крупное преимущество, если он наседал со всех сторон, Суворов требовал активных наступательных действий.

— Бей, но не отбивайся,— внушал он.

Суворов требовал от всех, независимо от чина и звания, самоотверженного, беззаветного служения русским знамёнам.

Он приучал войска в каждом сражении биться отчаянно, биться до смерти. Иностранные наблюдатели, присутствовавшие при атаках суворовских «чудо-богатырей», до конца дней своих не могли забыть впечатления всесокрушающей силы натиска.

Другое правило, которое также настойчиво внедрял Суворов в умы солдат,— это взаимная поддержка, товарищеская солидарность в бою и на походе.

«Сам погибай, а товарища выручай»,— внушал он солдатам.

Одно из замечательных отличительных качеств Суворова-полководца состояло в том, что он никогда слепо не придерживался заранее составленной схемы. Он всегда подчёркивал вред схематического мышления. В 1799 году он писал в одной реляции: «Начало моих операций будет и должно зависеть единственно от обстоятельств времени... От единого иногда мгновения разрешается жребий сражения».

И в этом отношении суворовское искусство было полной противоположностью прусской школы, которая требовала во всем шаблона, однообразия.

Постоянная готовность Суворова внести соответственно изменившейся обстановке необходимые коррективы в свой план сочеталась у него с глубоким планированием всей операции, проникновенным предвидением полководца. Суворов не походил на тех военачальников, которые подготовляют только начальную стадию боя и мало задумываются над последующим его развитием. Он старался предусмотреть течение боя, предугадать контрманёвры врага, чтобы заранее парализовать их. Поэтому тактические уловки врага редко заставали его врасплох.

В своей полководческой деятельности Суворов дал образцы разнообразия военных действий, образцы гибкости тактики. Он одинаково блестяще руководил сражением в открытом поле и штурмом сильнейших крепостей.

Суворов, как никто, умел выделять в обстановке самое существенное и своеобразное и соответственно с этим действовать. Он применялся к местности, к национальным особенностям неприятельской армии, к её вооружению. С турками он сражался иначе, чем с поляками, с французами иначе, чем с поляками и турками.

Больше того, Суворов учитывал даже личность командующего неприятельской армией.

Будучи убеждённым противником всякой догмы, всякого принимаемого на веру правила, Суворов, естественно, требовал того же от своих подчинённых. В противоположность господствовавшим в его время порядкам (особенно распространённым в Пруссии), лишавшим командиров всякой возможности личного почина, Суворов настойчиво требовал от офицеров инициативы.

— Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним.

В противоположность Фридриху II, рекомендовавшему по возможности избегать сражения, Суворов всегда стремился к сражению, старался навязать его противнику.

«Вперёд!» — был его постоянный призыв, он говорил: «Деньги дороги, люди дороже, а время дороже всего».

По мнению Суворова, только наступательными действиями достигается в конечном счёте победа над врагом. И он требовал неослабного и безостановочного нанесения неприятелю удара за ударом.

Одним из важнейших условий победы Суворов считал быстроту и внезапность.

— Неприятель думает, что мы за сто, за двести вёрст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поёт, гуляет, ждёт тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него, как снег на голову...

— Делай на войне то, что противник почитает за невозможность,— говорил Суворов.

Другое суворовское правило: энергия атаки, предельное напряжение удара.

Своевременно предпринятое мощное усилие приносит гораздо больше плодов, чем ряд последовательных, менее интенсивных ударов. Тем самым оно оказывается гораздо более «экономичным»,— учил Суворов.

Итак, в основе суворовской стратегии и тактики лежало наступление. Однако было бы глубокой ошибкой представлять дело так, будто Суворов всегда и во что бы то ни стало устремлялся вперёд. Он сам сделал на этот счёт ряд совершенно недвусмысленных заявлений. Австрийцу Меласу, полуиронически назвавшему его однажды «генералом Вперёд», он ответил: «Полно, паша Мелас! «Вперёд» — моё любимое правило, но я и назад оглядываюсь».

В известных случаях Суворов не возбранял подчинённым ему командирам отводить свои войска назад, но как оборона, так и отступление были для него прежде всего средствами активного сопротивления.

Если у Суворова было меньше сил, чем у противника, а так чаще всего бывало, он ни мало не смущался этим

обстоятельством. Неравенство сил, даже в условиях окружения, никогда не заставляло его отказываться от активных действий.

Для полководческого искусства Суворова крайне характерно отсутствие боязни окружения.

Отличной иллюстрацией к этому может служить сражение на Треббии в 1799 году. Когда поступило сообщение, что в тылу русских, сражавшихся с превосходящей их по численности армией Макдональда, на расстоянии одного перехода появился свежий корпус французских войск под командой Моро, все были уверены, что Суворов использует оставшиеся в его распоряжении часы, чтобы выйти из смыкавшихся клещей. Но Суворов, как мы уже знаем, не отступил. Не смущаясь тем, что ему грозило окружение в условиях тройного превосходства сил врага, он и тут остался верен своему правилу—бить врага по частям, не страшась угрозы окружения.

— Я разобью в конце концов Макдональда, а тогда примемся за Моро,— спокойно сказал он волновавшимся офицерам.

События оправдали мужественную решимость старого полководца. Французы не выдержали огромного напряжения трёхдневной битвы. Макдональд начал отступление. Под ударами русских войск это отступление перешло в бегство. Убедившись в том, что армия Макдональда лишилась боеспособности, Суворов повернул навстречу Моро, но тот в свою очередь отступил. Таким образом, долго подготовлявшееся французами окружение полностью провалилось.

Суворовское решение одного из самых больших вопросов военной науки, вопроса о том, какого образа действий придерживаться в случае угрозы окружения, может считаться классическим.

Полководческое искусство Суворова характерно своей целеустремлённостью. Временные неудачи не смущали

его, частные успехи не соблазняли. Он видел перед собой одну цель: совершенный разгром вражеских сил,— и все его действия были направлены к достижению этой цели.

Чрезвычайно характерна для суворовского военного искусства оценка полководцем роли резерва и умение пользоваться им.

Суворов никогда не распылял резервов, не тратил их по частям для затыкания дыр. Он держал их в кулаке и дожидался минуты, когда противник настолько будет утомлен боем, что появление свежих крупных сил сыграет решающую роль. А до тех пор, полагал он, войска должны держаться, как бы трудно им ни приходилось.

Так поступил Суворов в сражении при Кинбурне; даже когда его отряд был на краю поражения, он не тронул имевшихся у него резервов и, к вечеру введя их разом в бой, добился полной победы.

Так же поступил полководец в битве у Нови. Только на исходе дня он двинул весь свой исключительно мощный резерв, не ослабленный частичными «заимствованиями» для облегчения положения на том или другом участке.

Он рассматривал резерв не как способ залатывания прорех, а как последнюю гирю на чаше колеблющихся весов.

— Воюют не числом, а уменьем, — говорил Суворов.

Суворовская стратегия характерна своей целеустремлённостью:

— никаких исключительно демонстративных действий не предпринимать;

— действовать всегда, сосредоточиваясь в быстром движении на главные силы врага, но и разбивая по пути отряды его, грозящие флангам и тылу;

— никаких обособленных коммуникационных операций для обеспечения тыла не производить.

Таковы три правила суворовской стратегии.

В сентябре 1798 года в Кончанском Суворов продиктовал генералу Прево де-Люмпану семь правил ведения войны:

— действовать не иначе как наступательно;

— в походе — быстрота, в атаке — стремительность, холодное оружие;

— не нужно методизма, а верный взгляд военный;

— полная власть главнокомандующему;

— неприятеля атаковать и бить в поле, т. е. не сидя в укрепленных районах, а перемещаться за врагом;

— в осадах времени не терять...

— никогда сил не раздроблять для занятия пунктов. Обошёл неприятель — тем лучше: он сам идёт на поражение.

Прекрасной иллюстрацией этих законов войны являются походы Суворова.

Через всё полководческое искусство Суворова красной нитью проходит его национальная сущность. Это было русское военное искусство, и сам Суворов был истинно русским полководцем и русским человеком.

— Горжусь, что я — россиянин,— часто говорил он.

Полувековой боевой опыт убедил Суворова в том, что по своим боевым качествам русские солдаты превосходят солдат всех других армий. Надо только хорошо командовать ими и уметь повести их за собой. А это он умел делать, как никто другой.

В дни швейцарского похода, когда из-за предательства австрийцев суворовские войска попали в положение, казалось, обрекавшее их на гибель, Суворов сказал:

— Мы русские... Мы всё одолеем.

Неоднократно Суворов цитировал слова Петра I:

— Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет.

Имея под своим командованием великолепную рус-

скую армию, глубоко уверенный в собственном военном даровании, Суворов с непреклонной последовательностью осуществлял своё основное правило: нанести врагу столь сокрушительный удар, чтобы он не мог оправиться, чтобы он не отступил, а бежал в панике. Больше того, чтобы он даже в бегстве не находил спасения.

— Кто против меня — тот мёртв,— так формулировал Суворов это своё простое великое правило.

— Противник оттеснён — неудача; противник истреблён, уничтожен, взят в плен — удача,— говорил он.

Вдохновляемая Суворовым, русская армия забывала о лишениях, о голоде, об усталости и холоде. Сила духа преодолевала всё. Дух войск, их нравственная стойкость торжествовали над трудностями и невзгодами.

Суворов внушал своим войскам, что для них нет невозможного, нет преград, которых не могло бы сокрушить русское оружие. Он оживлял перед ними образ их родины— и люди шли в бой, побеждали врагов, взбираясь на обледенелые кручи, терпели голод и холод, побеждали свою собственную человеческую природу, и «невозможное» оказывалось для них возможным.

Таков, вкратце, образ Суворова как полководца, таковы основные его идеи, надолго определившие положение русского военного искусства, как передового в мире.

Редактор Е. Н. Герасимов
Технический редактор Г. Н. Шевченко
Корректор Е. А. Павлова

*

Г532229. Подписано в печать 8.7.44.
Изд. № 108. Объём 2¼ п. л. + 1 вклейка
1/16 п. л. 3,1 уч.-авт. л.
В 1 п. л. 53000 типогр. зн. Заказ 99.

*

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.